

олтарь, и жертва: то все одно значать выраженія: быть освященнымъ отъ того Іерея, или преложиться въ то освящаемое, или быть возложеннымъ на тотъ пренебесный олтарь. Посему, если ты станешь просить о чемъ либо одномъ изъ сихъ трехъ: то будешь просить о всемъ; и ты имѣешь просимое, ты совершилъ жертву. Такимъ образомъ ваши священники, созерцая Христа, какъ освящаемое, молятся о возложеніи на Него даровъ,—молятся о томъ же самомъ, только въ другихъ выраженіяхъ и словахъ. Посему наши священники, помолившись о преложеніи даровъ въ божественное тѣло и кровь и вспомянувъ о пренебесномъ олтарѣ, уже не молятся о возношеніи на него даровъ, но, такъ какъ они вознесены туда и приняты, то они молятся о испосланіи намъ благодати и дара Святаго Духа. *Помолимся*, говорятъ, *объ освященныхъ дарехъ*,—для того, чтобы они освятились?—Нѣтъ, они уже освящены; но чтобы ими освятились мы, чтобы освятившій ихъ Богъ и насъ освятить чрезъ нихъ. Итакъ ясно, что и латинская церковь не пренебрегаетъ молитвою о дарахъ послѣ словъ Господа, а поступаютъ такъ только нѣкоторые, немногіе и позднѣйшіе, которые и въ другихъ отношеніяхъ повредили ей, стремясь только къ тому, чтобы говорить и слышать чтолибо новое. Это—о молитвѣ.

Г л а в а. 51.

Почему священникъ призываетъ освятить дары не Сына, а Отца.

Но для чего священникъ къ освященію да-

ровъ призываетъ не Сына, тогда какъ Онъ, какъ сказано, и священникъ, и освящаетъ, а Отца?—
 Чтобы ты зналъ, что Спаситель освящаетъ, не какъ человѣкъ, а какъ Богъ, по божественному своему могуществу, которое у Него одно съ Отцемъ. Желая показать это, и самъ Господь, когда совершалъ таинство, воззрѣлъ на небо и показалъ хлѣбъ Отцу. По этой-то причинѣ подобнымъ же образомъ являлъ Онъ Себя и при совершеніи нѣкоторыхъ чудесъ, — принималъ видъ молящагося Богу, чтобы показать, что это—дѣло не человѣческаго естества, по которому Онъ имѣлъ на землѣ Мать, а Его Божества, по которому Онъ имѣетъ Отцемъ Бога. И когда намѣревался Онъ вознестися на крестъ; то, желая показать двѣ свои воли—божескую и человѣческую, волю своего Божества предалъ Отцу, а волю своего человѣческаго естества назвалъ своимъ хотѣніемъ: *не яко азъ хошу, сказалъ, но якоже ты* (Мат. 26, 39), и: *не моя воля, но твоя да будетъ* (Лук. 22, 42). Что самъ Онъ хотѣлъ тою волею, которою исполнялъ волю Отца, это видно изъ этихъ самыхъ словъ, гдѣ Онъ отличаетъ хотѣніе свое отъ хотѣнія Отцаго: ибо выраженіе: *не моя воля, но твоя да будетъ*, свойственно соглашающемуся и желающему того же самаго. Это же показалъ Онъ, когда укорилъ Петра, умолявшаго Его не идти на крестъ и смерть (Мат. 18, 25); также когда говорилъ: *желаніемъ возжелъхъ сію пасху ясти съ вами, прежде*

даже не приму мукъ (Лук. 22, 15). Возжелалъ, говоритъ, Пасхи прежде мукъ; какъ бы такъ выразился: желаніемъ возжелалъ я видѣть приготовленія къ моимъ страданіямъ. — **Объ этомъ довольно.**

Г л а в а 32.

О самой жертвѣ и о томъ, надъ чѣмъ совершается жертва.

Касательно самой жертвы надобно разсмотрѣть слѣдующее. Такъ какъ жертва есть не видъ жертвы и не образъ крови, но поистинѣ—заколеніе и жертва; то изслѣдуемъ, что приносится въ жертву, — хлѣбъ ли, или тѣло Господне; то есть, когда дары становятся жертвою,—прежде ли освященія, или по освященіи? Если приносится въ жертву хлѣбъ: то, во первыхъ, какъ хлѣбъ можетъ быть жертвою? А во вторыхъ, не въ томъ состоитъ таинство, чтобы видѣть закалаемый хлѣбъ, но — видѣть Агнца, своимъ заколеніемъ вземлющаго грѣхъ міра. Если же сказать, что приносится въ жертву святое тѣло Господне, то это тѣмъ болѣе невозможно; потому что, какъ уже неразрушимое и безсмертное, оно не можетъ подвергнуться заколенію или уязвленію. Еслибы даже и возможно было случиться чему нибудь подобному: то въ такомъ случаѣ надлежало бы быть и распивателямъ, и соединиться всему другому, чтобы совершить ту жертву; такъ какъ предполагается, что это не видъ закланія, а истин-